

Балаян Александр, Томин Леонид

Социально–политические эффекты цифровизации: к дискуссии о проектах «умных городов»*

Балаян

Александр Александрович – кандидат политических наук, доцент НИУ ВШЭ – СПб.

Для связи с автором:
chaosmos@yanex.ru

Томин

Леонид Владимирович – кандидат политических наук, доцент СПбГУ.

Для связи с автором:
leopolit@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу основных теоретических подходов к цифровизации и концепции «умных городов» в контексте трансформации управленческих практик в рамках демократических политических систем. Рассматривая специфику неолиберального подхода к управлению, авторы раскрывают специфику теоретической концептуализации и реализации на практике модели платформенной экономики и ее последствий для государства, крупного бизнеса и общества.

Ключевые слова: «умный город», неолиберализм, цифровизация, городское управление, большие данные

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФ «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» № 19-18-00210.

Balayan Alexandr, Tomin Leonid

Social and political problems of digitalization: the discussion on the implementation of "smart cities"

Balayan

Alexandr A. –

*Candidate of Political Sciences,
Associate professor, Department
for Applied Political Studies at
the National Research University
Higher School of Economics - Saint
Petersburg.*

*To contact the author:
alexandr1138@mail.ru*

Tomin

Leonid V. –

*Candidate of Political Sciences,
Associate professor, Department
of political governance
Saint Petersburg State University.*

*To contact the author:
leopolit@yandex.ru*

Abstract

The article is devoted to the analysis of the main theoretical approaches to digitalization and the concept of "smart cities" in the context of the transformation of management practices within democratic political systems. Considering the specifics of the neoliberal approach to management, the authors reveal the specifics of the theoretical conceptualization and practical implementation of the platform economy model and its consequences for the state, big business and society.

Keywords: "smart city", neoliberalism, digitalization, urban governance, big data

На сегодняшний день в публичном дискурсе и общественном сознании развитие цифровых технологий принято рассматривать преимущественно в позитивном ключе. Цифровизация, блокчейн, большие данные – эти термины употребляют в контексте обсуждения инновационного развития и демократизации процессов управления. Но цифровизация, как и другие процессы, продуцирует и позитивные, и негативные эффекты, связанные с существующим социально-экономическим и политико-административным контекстом.

Одна из наиболее обсуждаемых тем, связанных с цифровизацией, – это «умные города», активно рекламируемая модель трансформации управления городским пространством, основанная на интегрированной системе информационных и коммуникационных технологий. Проекты «умных городов» их разработчиками описываются как новая модель городского управления, основанная на интегрированной системе информационных и коммуникационных технологий, позволяющая эффективно управлять городской инфраструктурой, обеспечивать новое качество предоставляемых общественных услуг, экономить ресурсы и в целом улучшать качество жизни граждан [Morozov 2013: 3–15].

Целями данной статьи являются: критический анализ основных подходов, которые существуют в научной литературе, посвященной тематике «умных городов»; изучение сегодняшнего социально-экономического и политического контекста процесса цифровизации и реализации проектов «умных городов», анализ трансформации управленческих практик в условиях цифровизации государственного управления и экономики.

Для концептуального анализа обозначенных проблем мы используем методологию «исследований правительности» (*governmentality studies*). Она включает в себя: исследование дискурсивных практик и процессов производства знания, легитимирующих модель управления, генеалогию типов субъективности, формируемых для ее функционирования и воспроизводства, и, наконец, практик сопротивления [Дин 2016: 101]. Помимо этого, в тексте использовалась постопераистская методология в контексте трансформации процесса накопления капитала и тип отношений производственных единиц (заводов) с другими городскими сферами. В частности, подобные методологические подходы более подробно раскрываются в концепции «социальной фабрики» М. Тронти, согласно которой социально-экономическая логика развитого фордизма анализировалась как система тотального подчинения города как социального целого нуждам своей части – заводу [Thoburn 2003: 78]. А. Негри и М. Лаццарато, анализируя становление постфордизма, переформулировали изначальный тезис М. Тронти. Не существует больше логики частей и целого, разделения на производственные и непроизводственные пространства, работу и отдых, город весь стал тотальным пространством биополитического производства [Ibid.: 80].

Проблема

По проблематике «умных городов» существует обширная литература, в которой подробно исследована генеалогия данной концепции, сложившейся как специфическая артикуляция элементов различных теорий городского планирования и основанных на новых технологиях предложений по информатизации городского управления [Hollands 2008: 305–307]. Во-первых, это теория разумного роста (*smart growth*), разработанная в рамках американского Нового урбанизма в 1980-е гг. Разумный рост, основанный на устойчивом развитии и сохранении городской специфики, должен прийти на смену индустриальной модели экстенсивного, унифицированного и экологически расточительного роста городов [Vanolo 2014: 884–886]. Во-вторых, это концепция «интеллектуального города» (*intelligent city*) построенная на соединении возможностей индивидуального, коллективного и искусственного интеллекта благодаря информационным и коммуникационным технологиям. «Интеллектуальный город», по мысли авторов данной концепции, должен стать инновационным, креативным и инвестиционно привлекательным пространством [Kompinos 2008: 122–123].

Среди исследователей весьма подробно рассматриваются различные теоретические аспекты концепции «умных городов» и эффектов их реализации на практике. Необходимо отметить, что большинство авторов настроены оптимистически, для них модель «умного города» – универсальный инструмент решения большинства современных проблем (энергоэффективность, общественная безопасность, управление транспортом) [Ратти, Клодел 2017]. Подобная литература сосредоточена на рассмотрении отдельных успешно реализуемых проектов и предвосхищении радужных перспектив, открывающихся в будущем. Существует сегмент литературы взвешенно нейтральный, где анализируются как позитивные, так и негативные эффекты. Среди проблем обычно отмечаются вопросы безопасности, которые могут возникнуть при хакерском взломе или террористической атаке инфраструктуры «умного города» [Kitchin, Dodge 2019].

Существуют и противники модели, они полагают, что концепция «умного города» в ее нынешнем виде – идеологический нарратив крупнейших IT-корпораций, расширяющих рынок сбыта своей продукции и инфраструктуру по сбору и монетизации больших данных [Soderström, Paasche, Klauser 2014]. Критически настроенные исследователи не против самой идеи внедрения информационных и коммуникационных технологий с целью улучшить качество жизни и наладить эффективное и бережливое управления городской инфраструктурой и общественными услугами. Они полагают, что процесс цифровизации, встроенный в неолиберальную логику, усиливает дедемократизацию и формирует технократическую систему управления, нацеленную на нерегулируемое извлечение прибыли, при этом игнорирующую негативные социально-экономические последствия.

Кроме того, существуют работы, посвященные исследованию уже реализуемых проектов «умных городов» [Shelton, Lodato 2019]. Таким образом, одним из пробелов большей части существующих исследований является недостаточное внимание к отрицательным социально-экономическим и политическим эффектам, возникающим при воплощении проектов «умных городов». Существуют отдельные работы с критикой «умных городов» как новой версии нелиберального урбанизма, способствующей усилению негативных тенденций как в развитых, так и в развивающихся странах [Marvin, Luque Ayala, McFarlane 2015]. Необходимо больше внимания уделить возможным угрозам, поскольку цифровизация городов несет с собой опасность усиления государственного и корпоративного контроля за гражданами и, как следствие, эрозию демократических политических институтов и выхолащивание гражданских прав и свобод.

Неолиберальная модель

Анализируя неолиберализм как модель управления, мы опираемся на работы Л. Болтански, И. Кьяпелло [Болтански, Кьяпелло 2011], П. Дардо, К. Лаваля [Dardot, Laval 2017]. **Теоретическая рамка, разработанная этими авторами**, позволяет системно анализировать политические эффекты неолиберализма (трансформации управленческих практик и формируемых типов субъективности). Основным недостатком традиционного анализа неолиберализма является рассмотрение его исключительно как экономической политики. Неолиберализм представляет собой более сложный и глубокий феномен. Это не просто разновидность экономической политики или идеология свободного рынка, а новая политическая рациональность и даже способ существования [Ibid.: 3].

Неолиберализм, в отличие от классического либерализма, не устанавливает пределы вмешательства государства в экономику или частную жизнь индивида, он генерализирует рыночные принципы, делая их моделью для государственного управления и регулирования всех сфер жизни общества.

Другим важным отличием является понимание рынка не как естественной саморегулирующейся системы, автономии которой должно признать государство. Неолиберальная система управления основана на специфическом типе вмешательства государства, нацеленного на маркетинговую политику административного управления, сферы общественных услуг и отношений внутри социума. Она функционирует и воспроизводится посредством определенных форм субъективации индивидов. Неолиберальный тип субъективности формируется в диспозитиве, состоящем из экономических, социальных, политических, юридических элементов, проникнутых общей логикой.

В связи с этим необходимо рассмотреть типы субъективности, характерные для неолиберальной модели управления, и их дальнейшее развитие в условиях процессов цифровизации.

Первый тип – «предприниматель». Происходит генерализация предпринимательской логики, каждый индивид формируется и постоянно помещается в логику, где он должен действовать как предприниматель. В основе подобного подхода лежат идеи об универсальности экономической логики и возможности рассмотрения любого феномена с точки зрения рационального и эгоистичного актора, существующего в рамках постоянной конкуренции. Каждый индивид должен мыслить и действовать как фирма, рационально использующая имеющиеся традиционные ресурсы (время, деньги), самого себя (человеческий капитал) и имеющиеся социальные связи (социальный капитал) [Dardot, Laval 2017: 265–268].

Цифровизация же доводит эту логику до конца, социальные сети и многие приложения (например, Instagram) усиливают тенденцию формирования субъективности по модели предпринимателя и логики фирмы. Теперь каждый может быть не просто фирмой, а интернет-стартапом, монетизирующим просмотры видео- или фотоматериалов, создавать свой аккаунт как личный бренд. Появление интернет-трейдинга и криптовалют создало впечатление, что любой может быть инвестором даже при отсутствии значительного стартового капитала.

Второй тип – «потребитель». В данном случае происходит генерализация потребительской логики, все сферы и отношения в них конструируются по модели «производитель – потребитель». Механизм оценки индивидом посредством потребительского выбора эффективности акторов в любой из сфер понимается как основа свободного общества. Это можно назвать новой моделью суверенитета – суверенитетом потребителей. Механика функционирования социальных медиа и различных приложений сделала эту логику почти универсальной. Появилась возможность оценить работу или оставить свой отзыв почти обо всем – от кафе и гостиницы до университета и органов государственной власти [Keen 2007: 46–56]. **Важно, что подобные оценки и отзывы перестают быть просто общим знанием или мнением, которым мы делимся с другими, они аккумулируются и монетизируются сайтами вроде TripAdvisor и Booking.**

Третий тип – «должник». Посредством финансиализации всех сфер жизни индивида формируется особый тип субъективности – должник (ипотека, образовательный кредит). Кредит и долг в рамках неолиберализма выполняют не столько экономическую функцию – они являются формами биополитической власти над индивидом, позволяющей политико-административной системе осуществлять контроль более экономно, поскольку индивид,

помещенный в логику «жизни в кредит», начинает дисциплинировать сам себя [Lazzarato 2012: 128–137]. Этот тип в эпоху цифровизации получает дальнейшее развитие за счет технологии интернет-банкинга; кроме того, растет степень подчинения индивида банкам, которые активно работают с большими данными, формируя свои, в основном непрозрачные, алгоритмы и рейтинги клиентов.

Капитализм платформ

Цифровизация, будучи встроенной в управленческую логику, экономические и политические институты неолиберализма, воплотилась в модель, которую Н. Срничек назвал «капитализмом платформ» [Срничек 2019], а Ш. Зубофф – «капитализмом наблюдения» (*surveillance capitalism*) [Zuboff 2019]. При несколько различном описании генеалогии предложенных моделей, их объединяет общий тезис: основным источником дохода для многих крупнейших современных компаний (Google, Facebook) является монетизация данных. Компании получают их с помощью продуктов и сервисов, предоставляемых пользователям бесплатно (социальные сети, поисковые системы, приложения). После сбора и обработки данные используются для привлечения рекламы непосредственно на платформы (Google, Facebook) или продаются другим компаниям. Так, в последние годы на рынок поступают новые продукты, способные извлекать данные из повседневной жизни индивидов («умные часы», медицинские гаджеты, «умные колонки»).

Города становятся большими «социальными фабриками» биополитического производства, где платформенные компании, обладая информационной и коммуникационной инфраструктурой, встраиваются как механизм-посредник, в социальные взаимодействия, аккумулируют и монетизируют данные, извлеченные из них.

Модель «умного города», продвигаемая корпорациями, – это новый рынок продажи своей продукции и услуг, контракты с государственными и городскими властями и новый источник больших данных. В контексте процессов цифровизации и реализации проектов «умных городов», которые во многом инициированы крупнейшими IT-компаниями, именно платформы, контролирующие информационную и коммуникационную инфраструктуру, получают огромные преимущества перед конкурентами. В логике неолиберальной глобализации именно наиболее мобильный капитал диктует свои условия конкурентам на рынке и правительствам [Болтански, Кьяпелло 2011: 616].

Процесс цифровизации, подчиненный логике неолиберальной модели управления, еще больше усиливает ее негативные технократические тенденции. Например, алгоритмизация процесса принятия решений в различных сферах создает ситуацию непрозрачности и неподконтрольности действий

государственных или рыночных акторов для гражданина. Поскольку «алгоритмические системы – это и есть пресловутые “черные ящики”, потому что они производят в мире материальные эффекты, не всегда раскрывая то, как они их произвели. Эта непрозрачность мешает нам понять, действуют ли алгоритмы, которые с нами работают, в соответствии с нашими ценностями. <...> Говоря простыми словами, некоторые стороны извлекают выгоду из того факта, что мы не понимаем, как действуют инструменты, используемые для того, чтобы нас ранжировать и упорядочивать. А это приводит к ярко выраженной и опасной асимметрии в мире, где те, кто в состоянии влиять на наши жизни, знают о нас намного больше, чем мы знаем или когда-либо сможем узнать о них» [Гринфилд 2018: 328–329].

Влияние цифровизации подчиненной технократической логике неолиберальной модели управления в демократических странах усиливает деполитизацию отношений гражданина и государства и еще дальше смещает соотношение сил между трудом и капиталом в пользу последнего. Многие ученые полагают, что следование неолиберальным принципам фактически означает «захват государства» (*state capture*) крупнейшими корпорациями. «Сейчас государство несет важную обязанность – осуществлять материально-техническую и инфраструктурную поддержку олигополий, привлекать крупнейшие из них на управляемую им национальную территорию. Это затрагивает самые разные области: научные исследования, университеты, транспорт, налоговые льготы, культурную среду и урбанизацию, гарантию рынков сбыта. <...> Конкурентоспособное государство – это не государство как арбитр между интересами, а государство как партнер олигополистических интересов в глобальной экономической войне» [Dardot, Laval 2017: 243–246].

Модель «умного города» продвигается крупнейшими IT-компаниями (Cisco, IBM, Google, Microsoft, Schneider Electric, Siemens). Они рассчитывают заработать на огромных государственных и городских контрактах и монетизации собранных больших данных. Например, формирование интернета-вещей предполагает подключение к Сети огромной части физических объектов, эксперты Cisco оценивают этот рынок в 19 триллионов долларов.

В связи с этим необходимо объяснить оптимизм в отношении модели «умного города» большинства урбанистов. Почему многие из них некритически воспроизводят основные тезисы властей или корпораций? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, в интериоризации ими неолиберальной логики, в рамках которой городское пространство рассматривается прежде всего как объект инвестирования избыточного капитала. Причем в условиях максимально благоприятных для капитала, когда государство фактически полностью встает на его сторону и игнорирует негативные социально-экономические эффекты, возникающие в условиях реализации подобной политики.

Социолог Л. Вакан отметил: урбанистика в последние десятилетия подчинена неолиберальной политике «по мере того, как эта научная дисциплина становится все более и более привязанной к точке зрения власть имущих. Обе тенденции, в свою очередь, выявляют и усиливают смещение роли государства от источника социальной поддержки для малообеспеченных слоев населения к поставщику деловых услуг и благ для горожан средних и высших классов: в их числе очистка застройки и улиц от материального и человеческого мусора, оставленного там разрегулированием экономики и сокращением расходов на социальную поддержку» [Вакан 2015].

Возрастающая экономическая и политическая власть IT-корпораций хорошо видна на примере упоминавшихся выше платформенных компаний, получивших монопольное положение во многих сферах за счет сетевых эффектов, действующих благодаря интегрированной информационной и коммуникационной инфраструктуре. Ее наличие способствует постоянному расширению платформенных компаний в новые сферы. «Умный город» в таком политико-экономическом контексте будет в основном полезен как маркетинговая машина по сбору и продаже данных для микротаргетинговых рекламных кампаний [Ranchordas 2019]. Кроме того, возникает угроза «корпоративного поглощения» города и приватизации публичного пространства и городской инфраструктуры.

Нужно отметить, что большинство сегодняшних проектов «умных городов» – это эффект «калифорнийской идеологии» (термин Р. Барбрука), технооптимистической разновидности неолиберализма, приспособленной под экономическую модель, основанную на извлечении и монетизации «больших данных» [Барбрук 2015: 26–63]. Гражданские активисты и обычные жители во многих странах уже осознали существующие угрозы и начали протестовать. Их беспокоит, что власти и корпорации могут получить новые инструменты контроля и управления поведением населения. В связи с этим как никогда актуальной становится концепция «права на город» французского философа и социолога Анри Лефевра, основанная на принципах радикально демократической и эгалитарной трансформации социально-экономических и политических структур городского управления.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в сегодняшних условиях, будучи встроенной в неолиберальную логику управления, модель «умного города» усиливает ее основные негативные социально-экономические и политические эффекты. Надежда на то, что внедрение цифровых технологий само по себе будет способствовать демократизации процессов управления и вовлечению населения в процессы принятия решений, – иллюзорна. Технологии автоматически не меняют соотношения сил в политической и экономической сферах, государства и корпорации внедряют их прежде всего для усиления

собственных позиций и приобретения дополнительных инструментов контроля и извлечения прибыли. В условиях, когда основные проекты «умных городов» разрабатываются и реализуются под контролем и в интересах властей и/или корпораций, они не могут способствовать внедрению реальных партиципаторных механизмов формирования и обсуждения городской политики. Наоборот, «умные города» способствуют дедемократизации и технократизации управленческих процессов и усиливают логику перманентного полицейского контроля за населением.

Источники

- Барбрук Р. 2015. *Интернет-революция*. М.: Ад Маргинем.
- Болтански Л., Кьяпелло И. 2011. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение.
- Вакан Л. 2015. Переосмысление джентрификации. – *Социальный компас*. URL: <http://www.socialcompas.com/2015/12/22/pereosmyslenie-dzhen-trifikatsii/> (дата обращения 28.04.2019).
- Гринфилд А. 2018. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни*. М.: Дело.
- Дин М. 2016. *Правительственность: власть и правление в современных обществах*. М.: Дело.
- Ратти К., Клодел М. 2017. *Город завтрашнего дня. Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Срничек Н. 2019. *Капитализм платформ*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Dardot P., Laval C. 2017. *The New Way of the World: On Neoliberal Society*. London – NY: Verso. 352 p.
- Hollands R. 2008. Will the Real Smart City Please Stand Up? – *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*. Vol. 12. N 3. P. 303–320.
- Keen A. 2007. *The Cult of the Amateur: How Today's Internet Is Killing Our Culture*. NY: Doubleday/Currency. 228 p.
- Kitchin R., Dodge M. 2019. The (In)Security of Smart Cities: Vulnerabilities, Risks, Mitigation, and Prevention. – *Journal of Urban Technology*. Vol. 26. N 2. P. 47–65.
- Komninos N. 2008. *Intelligent Cities and Globalisation of Innovation Networks*. London – NY: Routledge. 320 p.
- Lazzarato M. 2012. *The Making of the Indebted Man: An Essay on the Neoliberal Condition*. Los Angeles CA: Semiotext(e). 200 p.
- Marvin S., Luque Ayala A., McFarlane C. 2015. *Smart urbanism. Utopian vision or false dawn?* Abingdon – NY: Routledge. 196 p.
- Morozov E. 2013. *To Save Everything, Click Here: the Folly of Technological Solutionism*. NY: Public Affairs.

Ranchordas S. 2019. Nudging citizens through technology in smart cities. – *International Review of Law, Computers & Technology*. URL: [https:// www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13600869.2019.1590928](https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13600869.2019.1590928) (дата обращения 28.05.2019).

Shelton T., Lodato T. 2019. Actually existing smart citizens. – *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*. Vol. 23. N 1. P. 35–52.

Soderström O., Paasche T., Klauser F. 2014. Smart cities as corporate storytelling. – *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*. Vol. 18. N 3. P. 307–320.

Thoburn N. 2003. *Deleuze, Marx and Politics*. London – NY: Routledge. 224 p.

Vanolo A. 2014. Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy. – *Urban Studies*. Vol. 51. N 5. P. 883–898.

Zuboff S. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. NY: PublicAffairs. 704 p.